

села не от Византии, а от болгарской Охридской митрополии.¹ Но, как уже отмечалось в научной литературе, и эта гипотеза Приселкова является несостоятельной, так как ни в одном из источников — русских или болгарских — нет никакого указания на зависимость русской церкви при Владимире от Охридской болгарской церкви. Вся гипотеза Приселкова зиждется на соименности руководителей Киевской и Охридской церкви, живших в 20-х годах XI столетия. Болгарский историк В. С. Николаев совершенно справедливо указывает, что Самуилова Болгария, которая в то время расходовала свои последние жизненные силы в неравной борьбе с Византией, не могла в своих смертельных конвульсиях найти энергию и активность для осуществления такой сложной задачи, какой, несомненно, была христианизация обширного древнерусского государства.² Трудями Приселкова, вышедшими в свет после Великой Октябрьской социалистической революции, были: „Киевское государство X века по византийским источникам“³ и „Русско-византийские отношения в IX—XII вв.“⁴ Но и эти работы не свободны от ряда неверных утверждений автора, что нашло свое отражение в справедливой критике Б. Д. Грекова и других советских историков.⁵ В этих работах Приселков тоже преувеличивает степень воздействия византийской дипломатии на южнорусских князей, представляя дело так, что последние предпринимали в XII в. свои походы на половцев исключительно по просьбе византийского правительства — чтобы вырвать Византию. Между тем известно, что постоянная борьба со степными кочевниками в связи с их грабительскими набегами была для древней Руси давней и жестокой необходимостью.

Великая Октябрьская социалистическая революция, разорвавшая оковы капитализма, создала благоприятные условия для неограниченного развития исторической науки в нашей стране.

Выход в свет в 30-х годах двух новых работ академиков В. Истрина и С. Обнорского по русско-византийским договорам явился важным свидетельством первых успехов советской историографии в области изучения русско-византийских отношений.

Правда, работа Истрина, относившего появление переводов указанных договоров к концу первой половины XI в. и приписывавшего их переводческому кружку русских книжников, организовавшемуся в Киеве при создании греческой митрополии в правление Ярослава,⁶ не лишена методологических ошибок. Обнорский, справедливо критикуя работу Истрина, писал, что нельзя разрешить вопрос о времени перевода русско-византийских договоров на основе только общих исторических и теоретических соображений, без лингвистического исследования их.

Отвергая точку зрения Истрина о датировке перевода русско-византийских договоров, Обнорский, в результате кропотливого изучения языка этих документов, пришел к правильному выводу, что „появление текста договоров в переводе с греческого языка приблизительно должно

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 36—46.

² В. Николаев. Славяно-болгарски фактор в христианизацията на Киевска Руссия. София, 1949.

³ Ученые записки Ленингр. Гос. унив., серия истор. наук, вып. 8, 1941.

⁴ ВДИ, 1939, № 3.

⁵ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. Исторические записки, 1950, № 35, стр. 199—231.

⁶ В. М. Истрин. Договоры русских с греками. Изв. Отдел. русск. яз. и словесн. АН, 1924, т. XXIX, стр. 390.